

Вырезка из газеты

ОМСКАЯ ПРАВДА

г. Омск

- 2 МАИ 1984

Художник Владимир МАКУШЕНКО: «Настала пора актера!»

Творческий дуэт Ольга Твардовская — Владимир Макушенко, без сомнений, известен любителям театра. Впервые близко омили познакомились с работами этих художников в июле 1976 года, когда в городе гастролировал Московский театр имени Ленинского комсомола. Два спектакля гастрольной афиши («Тиль» по пьесе Г. Горина и «Иванов» по А. П. Чехову) были оформлены Твардовской и Макушенко. Работы художников дали пищу для исследователей театра. Редко какая серьезная статья по советской сценографии минувшего десятилетия обходится без анализа их творчества. Работы Твардовской и Макушенко высоко оценены и на московских и на международных смотрах. Эскизы костюмов к «Тиль» получили золотую медаль на Биеннале сценографии в Югославии.

На сцене Омского театра драмы художники оформили «Беседы при ясной луне» по Шукшину (1976 год), «Дон Хиль Зеленые Штаны» Тирсо де Молины (1977 год) и последнюю премьеру театра «Госпожа министрша» Нушича.

...С первой минуты Владимир Макушенко производит впечатление человека деликатного, замкнутого и вовсе не расположенного говорить о своей персоне. Признаться, не таким представлялся многолетний сподвижник Марка Захарова, режиссера, который в 70-е годы развил и осуществил на практике теорию эпатазирующего, атакующего театра. Но поскольку речь идет о дуэте, может быть, дело не в нем?

— Владимир Александрович, как работают соавторы Твардовская и Макушенко? Кто дает первый импульс к решению образа будущего спектакля?

— Это все спрашивают, — улыбается он. — Мы идем друг в друге ответ своим ощущениям. Иной раз в резком споре можем отвести лишнее, отказаться от ложного хода. Главное — это почувствовать материал, а потом уже думаем, как перевести его на язык сцены. Конечно, я, как и все мужчины, грубее, Ольга — тоньше, эмоциональнее. Мы друг друга сдерживаем.

— Каких качеств требовала от вас режиссура в 70-е годы?

— Очень часто — активной концепции. Требовалось создать на сцене мощную среду, как, например, в «Революционном этюде» у Захарова. Это не кроссворд, который надо разгадывать. Декорация должна была «срабатывать» не сразу, а в процессе спектакля.

В «Иванове» была метафора чистейшей воды — две совершенно идентичные камеры, образ читался сразу: жизнь течет банально, невыносимо скучно и в доме Иванова, и у Лебедевых. Сегодня, я думаю, — как это схематично! Впрочем, в спектакле были очень хорошие куски, которые оправдывали наше решение.

— Меняется жизнь, и новое время требует от театра новых выразительных средств. Как изменились ваши поиски?

— Во все времена художника волнует главное — чувства человека. Мне кажется, что сейчас настало время возвратиться к тому, что давным — давно найдено — к традиционному театру. И в то же время хочется, чтобы меньше было предвзятости, идущей от всякой концепции. Хочется смотреть только на актера. Чтобы режиссура и художник только чуть-чуть ему подыгрывали.

— Услышать такое от художника — дорого стоит...

— Было время, когда в театре лидировал режиссер, потом выдвинулся наш цех, а сейчас, по-моему, настала пора актера.

— Вы любите наблюдать, как репетируют актеры?

— И наблюдать, и участвовать в репетициях. Помню, как в ходе репетиций спектакля «Дон Хиль Зеленые Штаны» мы с постановщиком Николаем Мокиным обратили внимание на «балетную» пластику Веры Канунниковой. Спросили — оказалось, в детстве она училась в балетной школе. Актрисе предложили встать на пуанты, и это дало толчок к решению образа. Актеры у вас очень хорошие. А художнику нельзя работать, не зная труппы. В Омске мне всегда легко — я знаю, предполагаю, какие актеры будут населять спектакль.

— Театральные художники иной раз жалуются, что им не удается воплотить замысел до конца и в полной мере. А как складываются ваши отношения с омским театром?

— Здесь у нас никогда проблем не было. Здесь — крепкая дирекция, сильная постановочная часть. Тут все понимают.

— Вы ходите в театр как зритель?

— В Москве редко, времени не хватает. А в Омске с удовольствием смотрел «Не боюсь Вирджинию Вулф» и «Лекаря поневоле». Понравилось оба спектакля, актеры прекрасно работают; и такие мастера, как Ожигова, и молодежь.

— Владимир Александрович, а не бывает у вас потребности выразить себя в живописи, графике?

— Мы делаем эскизы к выставкам. Это не повторение макета, а скорее, размышление о спектакле. А вообще-то театр забирает все силы без остатка. Можно, конечно, попробовать себя и в том, и в другом, но, думаю, лучше сосредоточиться на чем-то одном. Театр — это такой живой организм, что скучать не приходится. Нам случалось работать и в кино, и на телевидении, но там, я убедился в этом, художник необходим только на первом этапе работы. А в театре ты живешь вместе с актером, режиссером и чувствуешь себя в полном смысле соавтором спектакля.

Я прощаюсь и благодарю художника — он улетает вечерним рейсом. Но удивительно, что самое, может быть, главное, то, что журналистам обычно говорят в первые минуты встречи, — Макушенко сообщает между прочим, уже у дверей фойе. Оказывается, ранние детские годы его прошли в Омске, и та школа на улице Орджоникидзе, в которую он бегал первоклассником, стоит на прежнем месте.

В этом — и важный штрих к портрету человека, и надежда на новую встречу с театральными художниками Твардовской и Макушенко.

С. НАГНІБЕДА.
Фото Б. Метцгера.